

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

О «Белой стае»

Новый сборник Анны Ахматовой должен явиться неожиданностью для тех, кто недостаточно внимательно следил за ее поэтическим развитием после «Четок» по отдельным новым стихотворениям, рассеянным в журналах и газетах. Характерная поэтическая манера «Четок», сухая и строгая, оказалась только предварительной школой, за которой теперь открывается более глубоко лежащее единство поэтического стиля: если с прежней манерой Ахматовой уже связана судьба целой «ахматовской» школы поэтов, превратившей эту манеру в манерность, то в «Белой Стае» Ахматова показывает своим ученикам и последователям, что ими была воспринята лишь внешняя оболочка ее поэтического дарования.

В «Четках» Ахматова намеренно приближала стихи к изменчивому и капризному излому художественно стилизованной разговорной речи. Она любила прерывистые, синкопированные ритмы, сочетания двудольных и трехдольных стоп, нарушающие строгость и внешнее равновесие метрической структуры стиха; она пользовалась неполными рифмами («рифмоидами»), неожиданно новым сочетанием слов в рифме, музыкальная действенность которой ослаблена неполным соответствием звуков (учтивость—лениво), словарь и синтаксис «Четок» отличались богатством и свободой, обычно свойственными «прозаической» речи («Как ты красив, проклятый!», «А ко мне приходил человек»...).

Напротив того, в «Белой Стае» искусство Ахматовой развивается в направлении идеализующей классической строгости. Преобладают простые, точные рифмы и правильные ямбические строки. Особенно замечательно появление шестистопных ямбов с парными рифмами «александрийского стиха», венчающего лирику Пушкина.

А! Это снова ты. Не отроком влюбленным,
 Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
 Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
 Страхна моей душе предгрозовая тишь...

Словарь «Белой Стаи» поражает обилием славянизмов, обороты речи поднимаются в область возвышенного стиля. Напр.:

В недуге горестном моя томится плоть,
 А вольный дух уже почитет безмятежно...

В самом существенном, однако, Ахматова остается верной себе. Ее искусство по-прежнему противоречит поэтическим заветам символистов: она не ищет смутного, музыкально-лирического воздействия на настроение слушателей; но сознательно владеет и пользуется логической стихией речи; каждому слову сохранен его вещественный смысл и вес, и сочетание слов всегда единственно возможное, индивидуальное, синтетическое. В «Белой Стае» окончательно завершается поворот новейшей русской поэзии от романтической лирики символистов к классическим канонам высокого и строгого искусства Пушкина.

Для того, чтобы достигнуть такой законченности, объективной завершенности, свободы от индивидуально-случайного переживания, не претворенного в искусство, Ахматовой пришлось испытать глубокое перерождение поэтического содержания своих стихов, внешнее отражение которого заметно в изменении художественных приемов. Поэзия «Четок» — вся в мгновении настоящего: «Подошел ко мне, улыбнулся...», «тронул мои колени...», «наклонился, — он что-то скажет»... Настоящим каждого мгновения Ахматова до конца занята: «Четки» — это роман в стихах, повествующий о том, что заполняло каждый день, о встрече, любви и разлуке. «Белая Стая», напротив того, не знает настоящего. Прошлое, лишенное жизненной спутанности и противоречивости, несогласованной яркости конкретных впечатлений, приняло теперь законченную форму, художественно совершенную, монументально неподвижную. Книга вся — о прошедшем, вся — в воспоминании.

Как белый камень в глубине колодца,
 Лежит во мне одно воспоминанье.
 Я не могу и не хочу бороться:
 Оно — веселье, и оно — страданье...
 Я ведаю, что боги превращали
 Людей в предметы, не убив сознанья,
 Чтоб вечно жили дивные печали.
 Ты превращен в мое воспоминанье.

Цветом воспоминанья, золотистым цветом осени окрашено большинство стихотворений этого сборника. Осенний ветер, «свежий и колкий», ранние осенние «холода», «прозрачный» осенний свет и чистый «горный» воздух. Описание Бахчисарайского сада заканчивается смелой классической аллегорией Осени:

...Чтобы песнь прощальной боли
 Дольше в памяти жила,
 Осень смуглая в подоле
 Красных листьев принесла
 И посыпала ступени,
 Где прощалась я с тобой,
 И откуда в царство тени
 Ты ушел, утешный мой!

В «Четках» художественное внимание Ахматовой было занято разнообразием впечатлений внешнего мира: обстановка каждой встречи, описание внешности любимого — его глаз, его губ и рук, перечисление предметов, запечатлевшихся в «любовной памяти», — красный тюльпан в петлице, три гвоздики, веер, перчатки, хлыстик. Эта острая восприимчивость к вещественным мелочам обыденной жизни делала изображенные в стихах переживания более четкими и доступными, хотя, в то же время, более внешними и поверхностными. В «Белой Стае» интерес к внешней обстановочности жизни совершенно исчезает; душа сбрасывает стеснявшие ее вещественные оболочки, она занята теперь не суетой минутного, а всегдашним и вечным, самым настоящим, важным и глубоким.

Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой,
 Смотрю взволнованно на темные палаты?
 Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,
 Уже судимая не по земным законам...

Очищение, освобождение души, высокое сознание духовной свободы, торжествующей над суетой и связанностью смутной и противоречивой жизни, составляет важную особенность «Белой Стаи»:

Слаб голос мой, но воля не слабеет.
 Мне даже легче стало без любви.
 Высоко небо, горный ветер веет
 И непорочны помыслы мои...

Это освобождение от власти минутного, от смутной и связанной данности жизни открывается Ахматовой в творческом со-

зерцании поэта, для которого душевные переживания — только материал, служащий строительству прекрасного, созданию чистых художественных ценностей, освобождающих от власти переживания.

Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет...

Духовное освобождение от жизненной суеты, творческая победа над властью жизни находит завершение в классическом образе Музы, вдохновительницы и подруги поэта.

И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен...
Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А недописанную мной страницу —
Божественно спокойна и легка —
Допишет Музы смуглая рука.

Так, в то время, как для поэта-романтика и для лириков недавнего прошлого стихотворение есть поэтическая исповедь и человеческий документ, Ахматова возвращается в «Белой Стая» к классическому взгляду на искусство, как на строительство объективно прекрасных творений.

